

божденного от наказания осужденного, который после отбытия наказания: а) не совершает больше преступлений; б) соблюдает элементарные правила социального общежития; в) включился в полезную для общества деятельность. К сожалению, уровень рецидива свидетельствует об обратном. В то же время, как известно, на практике широко применяется статья о досрочном освобождении осужденных. Значит, позитивный процесс исправления все же имеет место. Если осужденных освобождают, значит, исправленные осужденные есть и будут впредь, а если поинтересоваться, кого освобождают досрочно и почему среди них высок уровень рецидива, то ответ нужно будет искать в другой плоскости, когда речь идет об освобождении из мест лишения свободы по причине их переполненности. Рассматриваемая нами цель лукавая, так как юридически она возложена на исполнителя наказания, а фактически переложена на плечи осужденного и имеет для него статус обязанности, хотя прежде всего это желание (как равно и нежелание) осужденного.

Вывод шестой. Нам представляется уместным данную цель изложить в следующей редакции: «...создание необходимых условий исполнения наказания, стимулирующих исправление осужденного».

Наконец, закон говорит о предупреждении совершения новых преступлений, то есть, иными словами, речь идет о специальном предупреждении рецидивной преступности со сторо-

ны тех, кто уже отбыл или отбывает наказание за совершенное ранее преступление. Лучшим средством предупреждения совершения новых преступлений является исправление осужденного. Но, увы! Наличие рецидивной, в том числе и пенитенциарной преступности, свидетельствует о том, что в наших отечественных условиях исполнения наказаний отсутствует надлежащий позитивный потенциал, что не позволяет говорить о массовом исправлении осужденных.

Вывод седьмой. Трудно объяснить, почему действующий уголовный закон отказался от такой цели, как общее предупреждение, хотя оно существует. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что не все граждане совершают преступления. Правда и в том, что никто не скажет, какой процент из них не совершил преступление из страха перед наказанием и для скольких граждан законопослушное поведение является естественным независимо от обстоятельств. В связи с этим рассматриваемую цель предлагаем сформулировать как «предупреждение совершения преступления». Данная формулировка охватывает общее и не исключает специальное предупреждение. Это тем более обоснованно, если учесть, что в процессе исполнения наказания преступление может совершать не только осужденный, отбывающий наказание, но и тот, кто призван исполнять данное наказание, да и любой другой человек, который при отсутствии общего предупреждения ничего и никого не боится. ■

Совершенствование уголовного законодательства в условиях либерализации уголовной политики России

В.Ф. ЛАПШИН – начальник кафедры уголовного права и криминологии
ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Либерализация уголовной политики имеет различные аспекты реализации: от декриминализации преступного поведения до незначительного сокращения сроков (размеров) наказания за совершение определенного преступления. В статье анализируются различные пути либерализации современной российской уголовной политики, зарубежный опыт предупреждения преступности и сокращения числа лиц, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях. С учетом социальных и юридических факторов формулируются предложения по изменению действующего уголовного законодательства России.

Ключевые слова: наказание; уголовная политика; гуманизация; либерализация; концепция реформирования УИС; санкция; декриминализация; осуждение.

Говорить о гуманизации уголовной политики, уголовной ответственности и (или) уголовного наказания, думается, не совсем верно. Содержание закрепленного в ст. 7 УК РФ принципа

гуманизма сводится к недопущению физического насилия, унижения личности и человеческого достоинства на любом этапе реализации уголовной ответственности, в том числе и при

исполнении назначенного судом наказания за совершенное преступление. Давно уже прошло то время, когда уголовная ответственность не только не исключала, но и предполагала претерпевание осужденным физических страданий и умаление достоинства личности в процессе исполнения наказания (гражданская казнь, помещение в долговую яму, публичные экзекуции и пр.). Современное законодательство в этой части гарантирует любому осужденному неприкосновенность личности. Лица, нарушающие данное правило, сами подлежат уголовной ответственности¹.

По этой причине в настоящее время правильнее вести речь не о гуманизации, а о либерализации уголовной политики, которая направлена в том числе на изменение действующего уголовного законодательства в части улучшения положения лица, совершившего общественно опасное посягательство. В этой области либерализация может реализовываться в следующих направлениях: 1) декриминализация деяний, закрепленных в Особенной части; 2) снижение верхних и нижних пределов санкций статей Особенной части; 3) замена наказаний, предусмотренных санкциями Особенной части, более мягкими или исключение из санкций дополнительных видов наказаний; 4) увеличение числа оснований освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания лиц, совершивших преступления.

Следует отметить, что соответствующие предложения по изменению уголовного законодательства вносились и вносятся органами государственной власти, обладающими правом законодательной инициативы, применительно ко всем указанным вариантам либерализации уголовной ответственности. В основном предложения сводятся к уменьшению сроков наказания за совершенное преступление и замене наказаний, предполагающих изоляцию от общества, более мягкими видами – штрафом, обязательными и исправительными работами и т.п. Стоит также отметить, что снижение максимальных пределов наказания в виде лишения свободы на определенный срок может повлечь за собой и изменение категории преступления. Это обстоятельство расширяет возможности применения институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания без корректировки положений норм гл. 11 и 12 УК РФ.

Концепция реформирования уголовно-исполнительной системы до 2020 г. также указывает на необходимость сокращения числа лиц, приговоренных к тем видам наказаний, исполнение которых возможно только в условиях изоляции от общества². В этой связи должно пройти сокращение исправительных учреждений, предназначенных для отбывания лишения свободы. Но насколько оправдано такое направление уголовной политики, особенно если задуматься о достижении превентивных целей наказания за совершенное преступление?

В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ целями наказания являются: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений. Разумеется, что первые две цели носят исключительно декларативный характер, поскольку ни восстановить справедливость (*status quo*), ни исправить осужденного, применив к нему тот или иной вид наказания, невозможно в принципе³. Поэтому, как отмечается в юридической литературе, единственной целью уголовного наказания является предупреждение совершения новых преступлений как лицами, уже совершившими уголовно наказуемое деяние (частная превенция), так и лицами, которые не совершали запрещенных УК РФ посягательств, но потенциально готовы к их совершению (общая превенция)⁴. В то же время одним из принципов назначения наказания является соразмерность мер воздействия характеру и степени общественной опасности совершенного деяния и личности виновного. В соответствии с положениями ст. 60 УК РФ это означает возможность назначения более строгого наказания только в тех случаях, когда менее строгое наказание не способно обеспечить достижения перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: чем строже наказание, тем быстрее достигаются его цели. Данное положение подтверждается историей развития уголовного законодательства в кризисные времена. Так, установление категории «законодательство военного времени» даже в действующем УК РФ (ст. 331) предполагает в том числе и значительное увеличение сроков или размеров наказаний, назначаемых за совершение преступлений в период ведения боевых действий, введения осадного положения, комендантского часа и прочих мероприятий, вызванных чрезвычайными условиями жизни населения. Кроме того, «закон военного времени» существенно облегчает процедуру сбора и оценки доказательств виновности лица, совершившего преступление, а также в разы сокращает время предварительного расследования и судебного разбирательства⁵.

Вряд ли имеет смысл указывать на то, что оправдательные приговоры, вынесенные в условиях военного времени, представляют собой большую редкость. Так, в годы Великой Отечественной войны нарушение трудовой дисциплины признавалось уголовно наказуемым деянием, подрывающим обороноспособность страны. Рядовое опоздание на работу могло обернуться для нерадивого работника привлечением к уголовной ответственности, а невыход на работу без уважительных причин и вовсе приравнивался к дезертирству. Аналогичный подход, не имеющий ничего общего с современным принципом гуманизма, имел место в отношении военнослужащих, которые нарушали правила несения службы в период ведения боевых действий.

Современная уголовно-правовая доктрина отстаивает положение о том, что наказание не должно быть чрезмерно суровым, поскольку длительные сроки лишения свободы фактически способствуют росту рецидивной преступности. Кроме того, наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, должны в настоящее время (или в самом ближайшем будущем) стать полноценной альтернативой лишению свободы⁶. Но это пока только декларативные заявления представителей высших органов государственной власти и общественно-политических объединений. Последние изменения в УК РФ свидетельствуют о том, что законодатель как раз стремится сократить количество совершаемых преступлений путем предоставления возможности назначения за их совершение более строгого наказания. Например, за совершенные развратных действий изначально санкция ст. 135 УК РФ в качестве наиболее сурового вида наказания называла лишение свободы сроком до трех лет. После внесения соответствующих изменений максимальный срок лишения свободы за данное преступление был увеличен до пятнадцати лет⁷.

Думается, что главную (единственную) цель наказания – недопущение совершения новых преступлений – можно достичь различными способами. Наиболее простой из них – это увеличение сроков лишения свободы и расширение возможности назначения лишения свободы за преступления различной степени тяжести. Находясь в местах лишения свободы, совершить новое преступление осужденному весьма затруднительно.

В то же время изоляция человека не устраняет угрозы рецидива в будущем после освобождения. И как уже отмечалось, длительное нахождение в местах лишения свободы порождает безразличие к условиям изоляции от общества и уголовное наказание, в принципе, теряет свое воспитательно-превентивное значение⁸. А потому совершение лицом новых преступлений после длительного нахождения в исправительной колонии является, скорее, правилом, нежели исключением. Разумеется, что подобное «временное изгнание» преступника не может обезопасить общество от новых уголовно наказуемых деяний.

Иной вариант достижения превентивной цели наказания был предложен во второй половине прошлого столетия отдельными странами Скандинавии. К примеру, в начале XX в. Финляндия негласно называлась страной-тюрьмой, поскольку она занимала первое место среди государств Западной Европы по количеству лиц, отбывающих лишение свободы, в соотношении с общим количеством населения страны⁹. Прежде всего это было вызвано тем, что чуть ли не единственным методом борьбы с преступностью, применяемым тогда в Финляндии, являлась изоляция правонарушителей от общества.

Приблизительно с 60-х гг. прошлого столетия пенитенциарная политика властями страны была кардинально пересмотрена. В основу ныне действующей финской исправительной системы положен принцип гуманного отношения к лицам, совершившим преступление, что предполагает изоляцию от общества только в самых крайних случаях. И, как бы это ни казалось парадоксальным, именно с этого времени стал отмечаться стабильный спад количественных показателей преступности. В результате проведенных пенитенциарных реформ Финляндия на сегодняшний день является самой благополучной западно-европейской страной с точки зрения количества ежегодно совершаемых преступлений.

Залогом такого успеха в противодействии преступности стали высокие макро- и микроэкономические показатели, а также более частое применение условных наказаний и штрафов. Кроме того, само содержание лишения свободы было пересмотрено: финским правительством была разработана дифференцированная система условий пребывания в местах лишения свободы для различных категорий осужденных. Так, если лицо во время отбывания наказания не нарушало дисциплину и установленный режим, то ему уже в течение первых шести месяцев могли быть предоставлены существенные льготы, вплоть до предоставления возможности провести выходные и праздничные дни вне пределов исправительного учреждения.

Финские заключенные в настоящее время получают зарплату, часть которой направляется на оплату питания и жилья. Для защиты их прав и законных интересов в государстве создана Ассоциация по делам испытания и последующего ухода при Министерстве юстиции по исполнению альтернативных лишению свободы наказаний. Эта организация является официальной и осуществляет надзор за поведением осужденных, оказывает им помощь в предоставлении жилья¹⁰.

Ассоциация активно принимает участие в реализации и распространении опыта применения наказаний, альтернативных лишению свободы. В частности, в Министерстве юстиции по предложению ассоциации утверждается список предприятий и учреждений, где будут работать осужденные. За их поведением и трудовой дисциплиной следит администрация предприятия, а также учреждения и представители ассоциации. В случае нарушения осужденным дисциплины (опоздание, прогул, недобросовестное отношение к работе и т.п.) общественная служба может быть заменена лишением свободы.

Руководители пенитенциарной системы Финляндии придают большое значение обучению лиц, отбывающих наказание, изыскивая на это средства, ищут различные формы и методы, разрабатывают оригинальные спецкурсы. Законодательство Финляндии предоставляет заключенным право на выбор трудовой или учебной

деятельности. При этом тюрьмы не имеют своих собственных учебных заведений и преподавателей, обучение организуется в сотрудничестве с внешними образовательными учреждениями. Общее и особенно профессиональное обучение, по мнению финских специалистов, позволяет отбывшим наказание быстрее адаптироваться к условиям жизни на свободе. Стимулом для получения осужденными образования является также денежное вознаграждение, поскольку обучающиеся заключенные получают пособие, как и работающие граждане¹¹.

Таким образом, финский опыт свидетельствует не о простом отказе от применения лишения свободы к преступнику и не только о сокращении сроков пребывания осужденного в условиях изоляции от общества, а о компенсации сокращения срока наказания весьма интенсивной социально-профилактической работой с осужденным. Последнее обстоятельство не позволяет утрачивать связь осужденного с обществом, что в свою очередь не допускает развитие тюремного мировоззрения и осознание осужденным себя в качестве составляющей криминального социума. Материальная поддержка лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, стимулирование их к получению профессионального образования и последующему трудоустройству сводят к минимуму возможность совершения данными лицами новых преступлений.

В этой связи можно утверждать следующее. Во-первых, либерализация уголовной политики характерна для любого общества на определенной стадии его развития. Во-вторых, эта либерализация не может рассматриваться как самоцель. Ее реализация в виде изменения действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также смены принципов и методов деятельности уголовно-исполнительной системы в итоге должна привести к минимизации преступных проявлений в обществе. В-третьих, тюремное заключение уступает по эффективности достижения превентивных целей наказания комплексной социальной работе с осужденным, которая проводится без изоляции от общества либо в условиях ограниченной изоляции. Анализ деятельности отдельных зарубежных пенитенциарных систем подтверждает правильность данного вывода. Страны Западной Европы в подавляющем большинстве случаев отказываются от традиционных для уголовного права видов наказаний: ареста, лишения свободы. В то же время для многих пенитенциарных систем зарубежных стран характерно расширение практики применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также замена для осужденного наказания, определенного в судебном приговоре, иными мерами социального ограничения.

Закономерно возникает вопрос: какими должны быть пределы либерализации уголовной политики в России? Полностью пере-

нять положительный скандинавский опыт в настоящее время представляется маловероятным. Современная российская экономика не в состоянии оказывать масштабную материальную поддержку осужденным, равно как и обеспечить повсеместное получение ими профессионального образования. Общество также вряд ли готово к резкой либерализации уголовной ответственности, которая предполагает сведение к минимуму назначения лишения свободы за совершение преступлений¹². Складывавшееся годами мнение о необходимости лишения свободы на срок, исчисляемый прямо пропорционально тяжести совершенного преступления, в течение двух-трех лет не изменить. По этой причине либерализация российской уголовной политики, как представляется, должна осуществляться в следующих направлениях:

– оказание финансово-экономической поддержки (кредитование, льготы по налогообложению, размещение государственного заказа и пр.) предприятиям и организациям, которые гарантированно предоставляют рабочие и учебные места лицам, осужденным за совершение уголовно наказуемых деяний;

– декриминализация большей части преступлений, которые отнесены к категории небольшой тяжести, а также некоторых преступлений средней категории тяжести;

– сужение границ санкций статей УК РФ таким образом, чтобы минимальный и максимальный сроки лишения свободы различались не более чем на пять лет. При этом предпочтительнее понижать верхний предел санкции, то есть максимальные сроки (размеры) наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. Ст. 747; Векленко В., Галюкова М. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. 2007. № 4. С. 16–17 и др.

² См. подр.: Доклад директора ФСИН России генерал-полковника внутренней службы А.А. Реймера на коллегии ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 4. С. 8–9.

³ Данное мнение разделяется не всеми учеными (см., напр.: Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. СПб., 2006. С. 50–51).

⁴ См.: Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 33; Максимов С.В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты. Ульяновск, 2002. С. 109; Уголовное право России. Часть Общая: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 350 и др.

⁵ См.: Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». 2006. 1 дек.

⁶ См., напр.: Доклад директора ФСИН России генерал-полковника внутренней службы А.А. Реймера на коллегии ФСИН России. С. 9–10; Васильева Т.В. Назначение и исполнение уголовного наказания в виде штрафа (социально-правовые проблемы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 7–8 и др.

⁷ См.: Пункт 10 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 30 июля.

⁸ См.: Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: Учеб. М., 2006. С. 216 и далее.

⁹ См.: Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. М., 2001. С. 46–47.

¹⁰ См.: Ресоциализация лиц, отбывающих наказания, и их социальная адаптация после освобождения (Венгрия, Вели-

кобритания, Швеция, Финляндия, ФРГ): Обзорная информация ГИЦ МВД СССР. М., 1991. Вып. 5. С. 14–17.

¹¹ См.: Там же. С. 17.

¹² См. об этом: Побегайло Э. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3. С. 133–135.

Некоторые теоретические аспекты противодействия легализации (отмыванию) незаконных доходов, полученных преступным путем

С.О. СОБЧУК – аспирант Московского нового юридического института

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся происхождения и современного понимания термина «легализация (отмывание) незаконных доходов, полученных преступным путем». Сопоставляются мнения различных ученых на содержание данного понятия. Анализируются нормы международных правовых документов и российских нормативно-правовых актов, содержащие определение легализации (отмывания) незаконных доходов, полученных преступным путем, и устанавливающие юридическую, в первую очередь уголовную, ответственность за данное деяние. На основе проведенного анализа автором формулируется собственное определение рассматриваемого понятия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : преступные доходы; незаконные средства; легализация незаконных доходов; преступная деятельность; противодействие легализации; процесс легализации; уголовная ответственность.

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, представляет собой заключительный этап преобразования преступной деятельности в высокодоходный и эффективный вид незаконного предпринимательства.

Процесс легализации (отмывания) доходов сопровождается противоправной и в наивысшей степени опасной для общества концентрацией экономической и политической власти в руках преступной группы лиц, а также рядом других преступлений (например, уклонение от уплаты налогов, масштабное распространение незаконного оборота наркотических и психотропных средств, поддержка терроризма и др.)¹, что и обуславливает общественную опасность указанного социального явления и актуализирует задачу противодействия ему.

Социальная опасность отмывания незаконных доходов определяется тем, что оно усложняет выявление и преследование корыстных преступлений, а также изъятие прибыли от преступной деятельности.

Бесспорно, научное исследование различных аспектов легализации (отмывания) незаконных доходов, полученных преступным путем, необходимо для эффективного предупреждения

рассматриваемого негативного явления и противодействия ему.

Термин «отмывание» появился в 20-х гг. XX в. в Чикаго, где главари преступных формирований «смешивали» криминальные доходы с доходами, получаемыми ими от специально созданной для этого сети прачечных, и декларировали их как легальные². Существует и другая точка зрения на происхождение данного термина: по мнению Джеффри Робинсона, «процесс отмывания доходов называется так потому, что такова его суть, а не потому, что Аль Капоне имел сеть прачечных, которые использовал для сокрытия своего дохода, – это всего лишь легенда. Этот глагол (отмывать) очень точно описывает процесс. Грязные деньги, вырученные от незаконной деятельности, “впрыскиваются” в легальные предприятия и через них – в легальную финансовую систему, где они отмываются с помощью стратегии “заметания следов”: перемещаются между подставными компаниями, секретными банковскими счетами и множеством юрисдикций так, чтобы правоохранительные органы не могли отследить их, а потом появляются на противоположном конце, чистые и сияющие, производя впечатление законно заработанной прибы-